

После десяти минут непрерывного натиска Шу Сюнь нахмурился, и алая, как киноварь, родинка меж его бровей проступила в темноте еще отчетливее. Малышу показалось странным, почему он до сих пор не пробился наверх — расстояние-то было совсем пустяковым. Он на миг замер, проверяя направление. Нет, ошибки быть не могло. Шу Сюнь упрямо мотнул головой и снова заскреб лапками.

Но минуло еще десять минут, а спасительного выхода все не было. Шу Сюню пришлось остановиться. Он оглянулся назад, туда, где свет давно поглотила крошечная тьма, и в душу закралось нехорошее предчувствие. Даже если бы он самую малость уклонился от курса, копая по диагонали вверх, он уже давно должен был пробить поверхность земли.

Решив вернуться, Шу Сюнь сделал всего несколько шагов и наткнулся на тупик. Он опешил. Пока он растерянно всматривался во мрак, пласт земли прямо перед ним пришел в движение, медленно осыпаясь и заполняя проход. Грунт уплотнялся с поразительной легкостью, словно его никто никогда и не касался. Будто неведомая сила стягивала края раны в пространстве, крупница за крупницей уничтожая следы его пребывания.

Малыш попытался разрыть завал, но земля восстанавливалась с пугающей скоростью, неумолимо наступая на него. Попятившись, он мгновенно сориентировался и бросился бежать вглубь туннеля.

Шу Сюнь не понимал, с чем столкнулся, но ясно сознавал: промедление смерти подобно. Воздух в туннеле стремительно таял. Если не поторопиться, его попросту заживо похоронит под этой живой лавиной, стершей саму память о его существовании.

Добежав до тупика, где земля пока оставалась неподвижной, он принялся яростно копать. Вокруг царил гробовое безмолвие, но глухая, давящая мгла дышала в спину первобытным страхом. На этот раз он уходил круто вверх, почти под прямым углом, отбрасывая землю назад и не тратя драгоценные секунды на расчистку пути. В таком безумном порыве прошло минуты три. Спасительного просвета впереди по-прежнему не было видно, зато за его спиной с нарастающим гулом схлопывался только что пробитый лаз.

Круглая, пухлая мордочка Шу Сюня напряглась, на лбу выступили крупные капли пота, а лапки превратились в едва различимое марево. Из-за отсутствия света разглядеть что-либо сзади было почти невозможно, но даже его скромное ночное зрение улавливало, как земляная масса неумолимо настигает его.

Внезапно в туннеле слабо блеснуло, и крошечный человечек бесследно растаял в воздухе. На его месте появился пушистый серо-голубой комочек размером едва ли в пол-ладони с крохотным узелком на спине — истинный облик мышши-искателя сокровищ. Передние лапки зверька замелькали с бешеной скоростью, превратившись в размытые тени, а задние слаженно отбрасывали вырытую землю назад.

Но даже этого оказалось мало. Спустя пару минут живая толща земли настигла беглеца. Пушистый комок накрыло с головой, и в ледяной, непроглядной бездне воцарился первозданный покой. Словно под землей никогда и ничего не происходило.

Шу Сюнь и представить не мог, что совсем близко от того места, где он выкапывал женьшень, неподвижно стоял мужчина в старинных черных одеждах — тот самый батюшка, по которому малыш так истосковался. Долгое время он ждал, не улавливая никакого движения, пока смутное предчувствие не обожгло его сердце. Окружающая мужчину аура вмиг стала хаотичной и яростной. Обратившись в яркую вспышку, он ринулся к яме, оставленной сыном, и прыгнул прямо внутрь. Но там никого не было.

Он досконально обследовал каждый вершок земли, раскинул духовное чутье на многие ли вокруг, но маленького искателя женьшеня и след простыл. Безумная, разрушительная волна энергии вырвалась из глубины раскопанной ямы. Мужчина даже не пытался сдерживать свою силу. В мгновение ока она прокатилась во все стороны: вековые деревья, камни и земля обратились в прах. В радиусе сотни метров все живое выгорело дотла, оставив лишь безжизненную пустошь. И посреди этой внезапной тишины, в самом сердце покалеченного леса, будто бы зазвучал тихий, полный тоски и бессилия плач.

Простояв так очень долго, мужчина наконец тронулся с места. Он зашагал прочь, и вскоре его черный силуэт окончательно растворился в густых зарослях.

Тем временем зажатый в толще земли Шу Сюнь уже приготовился к нелепой и скорой смерти. Однако давящая тяжесть вдруг бесследно пропала. Тело пронзило чувство невесомости — он стремительно летел куда-то вниз. Попытка разомкнуть веки не увенчалась успехом: навалилась непреодолимая усталость, и сознание окончательно угасло.

Очнувшись, Шу Сюнь обнаружил, что по-прежнему окружен полумраком, но это уже не была крошечная тьма подземелья. Он различал очертания предметов вокруг, вот только все они казались ему совершенно чужими и пугающе незнакомыми.

Не почувствовав никакой угрозы, малыш принял человеческий облик и уселся по-турецки, пытаясь разложить по полочкам сумбурный ворох мыслей в голове. Он и подумать не мог, что родовое наследие, которого он так ждал, пробудится именно сейчас — столь внезапно и не вовремя.

Полностью усвоив знания предков и разобравшись со своими врожденными способностями, Шу Сюнь с облегчением выдохнул. Тягостные сомнения, терзавшие его душу все последние дни, наконец рассеялись. С того самого момента, как батюшка неожиданно бросил его в глухой чащобе, он безуспешно пытался понять мотивы этого поступка, но правда открылась ему лишь теперь.

И в этом ему помогла память рода.

Представители древнего рода мышей-искателей сокровищ, к какому бы ответвлению они ни

принадлежали, были рождены скитаться в поисках редчайших даров природы. Жажда странствий и неодолимая тяга к познанию новых земель заставляли их подсознательно тянуться к тайнам пространства. У некоторых из них эта тяга перерастала в уникальный дар — способность перемещаться между мирами и измерениями. Благодаря этой силе искатели сокровищ получали доступ к бескрайним, нетронутым богатствам вселенной. Но этот дар был слишком могущественным, нарушающим законы мироздания, и со временем он практически угас, превратившись в легенду.

Все изменилось с появлением Континента Созвездий. Именно там родилась матушка Шу Сюня. Тот мир изобилдовал духовной энергией, а законы природы были невероятно щедры к живым существам, породив множество удивительных и редких созданий. Матушка унаследовала забытый дар пространственно-временного перемещения, хотя из-за древности крови поначалу даже не подозревала о его существовании.

Но когда Континент Созвездий содрогнулся от страшной катастрофы и начал рушиться, этот дар внезапно пробудился, выхватив матушку из разверзнувшейся пространственной трещины. Батюшка Шу Сюня в тот роковой миг крепко прижимал возлюбленную к груди. Благодаря невероятному везению и собственным незаурядным силам они смогли пережить смертельную опасность и вместе перенеслись в совершенно иной мир — на Землю.

В наши дни эта способность истончилась и стала крайне нестабильной. Она больше не подчинялась воле хозяина, превратившись в пассивный, непредсказуемый навык. Тот, кому она досталась, мог прожить всю жизнь, так ни разу ее и не задействовав. Совершить даже один такой переход было величайшим чудом, поэтому родители Шу Сюня не имели никакой возможности вернуться на родину. Им ничего не оставалось, кроме как обосноваться на Земле.

Едва Шу Сюнь появился на свет, родители увидели алую родинку у него меж бровей и сразу поняли: средний сын унаследовал древний дар.

Поскольку этот навык обладал крайне непредсказуемым порогом срабатывания, родители сознательно не заговаривали о нем речь. С этим даром вообще была связана одна странность: пока обладатель не подозревал о его существовании, пробуждение способности откладывалось на неопределенный срок.

Чего они никак не ожидали, так это того, что предвестники пробуждения дара проявятся у Шу Сюня с самых первых дней жизни. Ведь способность к пространственно-временному перемещению включала в себя не только физический перенос тела, но и феноменальную приспособляемость, а также поразительную обучаемость. Все три новорожденных малыша были невероятно смыслеными, однако лишь Шу Сюнь умудрился с пеленок заговорить на звучном северо-восточном мышинном языке, а вскоре без всякого труда освоил самые сложные современные гаджеты землян. И если феномен с мышинным языком еще можно было списать на природную одаренность, то самостоятельное освоение техники без чьей-либо помощи не оставило сомнений: дар просыпается. Именно тогда родители и решились на отчаянные меры.

Осознав всю серьезность положения, батюшка с матушкой пошли на крайние меры. Они разыграли жестокий спектакль, отрезав сыну любые пути к отступлению и вынудив его

двигаться только вперед. Но если задуматься теперь... Неужели его безопасные скитания по той дикой, полной опасностей древней тайге действительно были лишь слепым везением? Конечно же нет.

Вся их кажущаяся жестокость объяснялась лишь одним — неумолимо ускользающим временем. Шу Сюнь рос слишком проницательным, и родители боялись проговориться или подать хоть малейший знак. Если бы он догадался обо всем сам, дар сдетонировал бы мгновенно, не дав ему окрепнуть.

После неизбежного переноса Шу Сюню предстояло в одиночку столкнуться с абсолютно чуждым миром. Месяц выживания в диких лесах стал для него спасительной передышкой, буферной зоной. Именно там он перерос страх одиночества, набрался опыта и освоил базовые навыки выживания. Тот короткий срок подготовил его ко всему, став надежным якорем, благодаря которому он и сейчас сохранял поразительное хладнокровие и ясность ума.

— Батюшка, матушка, Шу Бао, Шу Шу...

В звенящей тишине разнесся едва различимый, тихий шепот.

<http://bllate.org/book/20265/2106494>